

Свою позицию Фрост определил как "любовную размолвку с бытием": достаточно серьезную, но не перерастающую в антагонизм.

Характеризуя свое мироощущение, Фрост говорил: "Единственное, на что я решительно неспособен, это испытывать состояние безнадежности". Его творчество воспринималось как вызов "поэзии отчаяния", которая стала преобладающим веянием в годы после Первой мировой войны, и как олицетворение архаизма, принципиально отвергающего художественные искания, отмеченные духом экспериментальности. Фрост в самом деле остался далек от этих исканий, заявив, что стихи, написанные верлибром, для него то же самое, что игра в теннис без сетки. Но его творческий консерватизм не помешал существенному обновлению форм и жанров, обладающих многовековой историей.

Настаивая на том, что стихотворение возможно лишь в "строгих границах логичного", и отвергнув "ненацеленные ассоциации", которые, на его взгляд, были только "данью звучности", а не способом воплотить новое содержание, Фрост вместе с тем говорил о "величайшей свободе слова и образа" в этих границах. Он обосновал идею органичной слитности всех компонентов стихотворения, цель которого в том, чтобы достичь, при внешней сдержанности, мощного эмоционального эффекта. Великие стихи Фрост уподобил льду на сковородке: таянье остается невидимым, но оно все сильнее с каждой секундой, и все активнее бурлит вода, разглядываемая стоящим у плиты.